

Д.Ю. Коробейникова, С.С. Лазарян

**Военно-политическое взаимодействие миросоциумов
России и народов Северного Кавказа
в первой четверти XIX века**

Миросоциум представляет собой сложносоставное пространство, состоящее и формирующееся набором взаимообусловленных физико-географических, климатических и социокультурных компонентов, посредством и в рамках, которых тот или иной социум самореализуется и представляется миру. Миросоциум исторически обусловлен характером и состоянием системных элементов, их способностью тем или иным образом отвечать на внутренние и внешние вызовы.

Исторически складываются «открытые» или «закрытые» по своей самореализации миросоциумы, в разной степени подготовленные и способные к ведению диалога с инородными миросоциальными субстанциями.

В качестве примера неоднозначных последствий такого взаимодействия можно привести обстоятельства коммуникативных связей между Российской империей и народами Северного Кавказа в первой четверти XIX в.

Не предполагавшееся в горах вторжение Российской империи в достаточно замкнутый и самодостаточный мир горцев Северного Кавказа не могло не привести к возникновению взаимной враждебности и длительного отторжения. Разнородная сущность встретившихся миросоциумов и форма предложенного ими диалога спровоцировали конфликт между сторонами большей частью из-за плохого понимания намерений друг друга и в силу негативной трактовки действий со стороны инокультурных акторов. Активизм российской стороны и масштабность предлагаемого Россией Кавказу не имели прецедентов в прошлые времена, что уже само по себе настораживало и порождало смятение в среде северокавказских элит. Кроме того, не совпадали не только формы их повседневной экзистенциальности, но также цели и задачи в обстоятельствах возникшего взаимодействия.

Российская держава в стремлении обладать на своих южных пределах надежными, пригодными для обороны границами готова была заплатить немалую цену за осуществление этого геополитического проекта [10:84-85].

В свою очередь, горцы тяготились покровительством со стороны Большого северного соседа, не желали нести бремя каких-либо обязательств по отношению к нему. Их образ жизни, порожденный специ-

фичными ландшафтно-климатическими условиями, воспроизводил экспансионистские по своей сути формы социокультурной организации общества [8]. Как и все архаичные структуры, они отличались устойчивостью и иммунитетом к внешнему воздействию. Все это делало как имперскую структуру, так и горцев недостаточно договороспособными, что вело к затяжному военно-политическому кризису, пик которого пришелся на первую половину XIX в. [11: 49].

Присоединение Грузии к России сделало неизбежным формирование «геополитического мешка», в котором оказались горские народы, по крайней мере, Северо-Восточного и Центрального Кавказа. Жизненно важная потребность обеспечения бесперебойного функционирования коммуникаций, которые связывали бы новые земли с остальной империей, делало распространение российских порядков на земли, населенные северокавказскими народами, первоочередной задачей.

Между тем, к такому повороту событий не были готовы даже традиционно «пророссийские» силы в регионе. Например, кабардинская княжеская верхушка, получавшая определенные выгоды от покровительствующей ей российской власти, крайне настороженно, а то и враждебно отнеслась к необходимости жить по законам империи, рассчитывая остаться региональным лидером, от имени и при поддержке Петербурга повелевать в крае [13: 161-162].

Еще сложнее было договариваться и искать точки соприкосновения с обществами, которые проживали в горной части Кавказа. Они не имели опыта общения с государственными институтами и не желали отказываться от устоявшейся и весьма органичной для их миросоциума набеговой традиции [4: 109-146].

Еще Павел I, который и стал инициатором включения Картли-Кახетинского царства в состав своих владений, прекрасно понимал, что северокавказские народы находятся скорее в вассальной зависимости от его власти, нежели в подданстве [6: 63-90]. Исходя из этого он и пытался выстраивать диалог на основании переговоров. Но такая практика, даже при наличии доброй воли императора, не имела главного – ожидаемого результата.

Местные горские общества, в силу специфики своего социокультурного развития и отсутствия опыта подчинения государственным институтам, воспринимали мирные шаги российской администрации как слабость. Это провоцировало дальнейшие набеги, жертвами которых становились не только привычные в кавказских условиях объекты грабежа, но и российские поселения, которые начали появляться в Предкавказье.

Приход к власти императора Александра I повлек за собой и корректировку политики Петербурга в отношении выстраиваемого диалога с населением южного пограничья. В этой связи обращает на себя внимание Георгиевский договор 26 декабря 1802 г., который призван был создать в регионе пророссийский союз, руками которого Петербург рассчитывал добиться умиротворения в крае. Организационные вопросы были поручены генерал-лейтенанту князю П.Д. Цицианову, что, как предполагалось, в глазах местной элиты должно было выглядеть демонстрацией желания российского императора делать ставку на местные кадры.

Предполагалось разъяснить владельцам, что «происходящий от взаимной их вражды и несогласия и от обид, какие они наносят другим, заводя раздор между собою, и что, состоя все под моим покровительством, вместо того чтоб быть дружными, защищать одного другому и всеми силами оборонять от общего врага их, ни о чем более не помышляющего, как о покорении всех их своей незаконной власти, своевольно друг на друга нападают, опустошают селения, разоряют жителей, а иногда и вовсе владения отнимают, не относясь к покровительствующей их державе, а потом к ней же присылают своих посланцев с жалобами...» [1: 754].

Но внутрирегиональные противоречия оказались настолько сильны, что тщетность этого замысла стала видна почти сразу. Несмотря на взятые обязательства и клятву «дружбу хранить...ненарушимо свято», выполнять их никто не собирался [2: 1012]. Неудивительно, что в дальнейшем П.Д. Цицианов стал одним из наиболее последовательных сторонников силового решения проблем в крае. Его диалог с местными лидерами отличался жесткостью формулировок и решительностью в применении армии для реализации имперской политики на Северном Кавказе [12: 306-377].

Убедившись в тщетности дипломатических усилий и испытывая серьезное воздействие неблагоприятных внешнеполитических факторов, П.Д. Цицианов начал вооруженной рукой принуждать местные общества признать требования империи и изменить образ жизни. Прежде всего, речь шла о прекращении набегов и феодальных усобиц, которые затрудняли России и без того непростую борьбу с ее геополитическими конкурентами – Персией и Оттоманской Портой.

Но то, что казалось вполне естественным и логичным для имперского миросоциума с его жесткой и формализованной иерархичностью, для горцев было неприемлемо. Миропорядок, сформировавшийся в условиях естественного существования и изоляционизма, с превалированием локальных интересов, как правило, ограничивавшихся ближайшим окружением, не желал воспринимать те правила взаимодействия,

которые навязывала империя. Предлагаемые ею выгоды не казались настолько важными, чтобы ради них отринуть привычные ценности и вносить кардинальные в образ жизни.

Обеспечение военно-политической безопасности, создание условий для эффективного торгового обмена представлялись в большей степени абстракцией. Первое и без того обеспечивал труднодоступный рельеф, лучше всего оберегавший от незваных пришельцев, а второе, в условиях господства натурального хозяйства, вполне можно было заменить удачными набегами, которые к тому же относились к «престижной экономике» и являлись элементом социализации местной молодежи.

В такой обстановке только страх наказания мог заставить пойти на уступки, и П.Д. Цицианов провел целую серию военных акций, стремясь добиться лояльности от местных владельцев. Эти обременительные для обеих сторон шаги заканчивались заключением соглашений и принятием определенных обязательств, которые брали на себя как горцы, так и имперская кавказская администрация. Но долговременного эффекта это не давало, и хрупкое равновесие часто нарушалось. Нередко в официальной переписке можно было встретить следующую оценку ситуации: «Политическое здесь положение кажется в прежнем хаосе...» [2: 1019].

Гибель князя П.Д. Цицианова в 1806 г. еще больше усложнила ситуацию в крае. Империя не могла определиться с тем, какую линию поведения во взаимодействии с местными кавказскими народами ей выбрать, т.к. практикуемые методы к однозначно позитивным последствиям не приводили.

Десятилетие (1806-1816 гг.) российские власти посвятили поискам иных, неконфликтных моделей взаимодействия. Использовались осторожность и разнородные виды «ласканий», расширилась практика пожалований и раздачи чинов. Однако эти инструменты имперской политики не сработали. Горский миросоциум по-прежнему не принимал привносимой Россией инокультурности, не мог быстро измениться и, тем более, не собирався этого делать, исходя из интересов российской стороны.

Кавказское направление вновь становится одним из приоритетов в политике империи по окончании активной фазы наполеоновских войн. В край был отправлен один из наиболее успешных полководцев России, широко известный в армии и пользовавшийся доверием Александра I А.П. Ермолов.

Это был сторонник решительных действий, который получил от императора значительную степень свободы и самостоятельности в своей деятельности. За это от него ждали результата в затянувшемся процессе инкорпорации местных народов в состав Российского госу-

дарства. Существовавшее невразумительное положение, согласно которому горцы, хотя и считались формально подданными императора, но фактически сохраняли за собой прежнюю «дикую вольность», изрядно досаждавшую российской администрации. Одной из своих первоочередных задач, генерал видел в том, чтобы показать местным обществам, что они отныне должны выполнять требования российских законов. Для этого он готов был идти на самые суровые меры, т.к. считал, что «Россия должна повелевать властью, а не просьбами» [9: 12].

Была сделана ставка на продолжение строительства укрепленной Линии, которую переносили ближе к подошве гор. Это позволяло потеснить «немирное» население в места, неблагоприятные для занятия земледелием и скотоводством. Создавая им, таким образом, трудности в обеспечении средств к существованию, новый командующий рассчитывал склонить горцев к покорности. При этом А.П. Ермолов надеялся, что удастся минимизировать вооруженные столкновения, т.к. предполагал отказаться от эпизодических экспедиций вглубь горских территорий, которые, кроме ненужных потерь, ничего не приносили. Сама природа выступала в этом случае естественным союзником для племен, привыкших воевать в условиях горно-лесистой местности. Уничтожение селений не имело для местных жителей фатальных последствий, т.к. их легко было восстановить. Отказываясь от порочной тактики, генерал предполагал, что сумеет «крови их не проливая», заставить их «для собственного счастья переменить разбойный образ жизни» [3: 499].

Опробовать новую стратегию генерал решил с Северо-Восточного и Центрального Кавказа. Закубанье в тот период формально считалось территорией Турции, и здесь переносить укрепления к подошвам гор А.П. Ермолов не мог. Но и занимать пассивную оборону он не собирался, а потому, в отличие от своих предшественников, настаивал на проведении непрерывных превентивных ударов по неприятелю.

При этом новый главнокомандующий не собирался отказываться от мирных контактов с горцами. Представляется, что его политика основывалась на контрастах, которые наглядно демонстрировала российская администрация. За лояльность, под которой подразумевались, прежде всего, отказ от набегов и возвращение пленных, империя готова была предоставлять экономические преференции, а за враждебные шаги следовали карательные экспедиции. Организованная А.П. Ермоловым блокада горских территорий, с военной точки зрения, была эффективной и действительно смогла создать для «немирных» обществ серьезные проблемы, но желаемых политических результатов достигнуто не было [9: 117-120].

Более того, наметилась консолидация части местных сообществ

в борьбе против России. Достаточно конфликтная и без российского фактора местная социокультурная среда нашла себе новую мишень для экспансии. Помимо экономических интересов, горские набеги получали еще и политическую мотивацию. В качестве консолидирующей идеологии, которая должна была сплотить часть северокавказского миросоциума, выступил мюридизм. Благодаря его лозунгам отчасти удалось решить традиционную для региональной этнополитической картины проблему – преодолеть разногласия между отдельными племенами и сплотить их для решения общей задачи [5: 158-175].

Российский фактор послужил катализатором данного процесса, хотя и без него горский миросоциум стоял на пороге революционных преобразований [10: 89]. Здесь происходила смена элит, формировалась новая знать, на роль которой претендовала старшинская верхушка. Особенно это заметно на примере имамата, возникшего на Северо-Восточном Кавказе и опиравшегося в основном на потенциал горных обществ Чечни и Дагестана. Это был весьма эффективный инструмент, с помощью которого горцы могли противостоять российской блокаде и в немалой степени потеснить своего конкурента с территории, где он, казалось бы, прочно закрепился.

Возникшее теократическое образование (имамат) свидетельствовало о способности горского миросоциума подстраиваться под изменяющиеся исторические обстоятельства. На брошенный российский вызов местные общества ответили трансформацией своего экономического, политического, культурного и военного устройства и добились здесь впечатляющих результатов, особенно если учесть тот небольшой, по историческим меркам, временной отрезок, когда это было сделано [7: 457-459].

Вместе с тем происходившие в имамате изменения продемонстрировали и его ограниченные возможности. В условиях ландшафтно-климатических преград, присущих региону, без фактора внешнего воздействия ожидать закрепления даже полученных результатов вряд ли приходится. Кризисные явления, которые будут ожидать теократию Шамиля, были следствием не столько военных неудач имама, сколько обусловливались теми внутренними процессами, которые переживало выстраиваемое им и его соратниками государственное образование.

Российское руководство вынуждено было подстраиваться к тем изменениям в недрах горских сообществ, свидетелем и участником которых оно являлось. Как и прежде, однозначной позиции, как себя вести по отношению к местным племенам, не было ни в Петербурге, ни у кавказских имперских властей. По-прежнему имели место определенные «шараханья» от политики «ласканий» к жесткому подавлению недо-

вольства. Закрепление внешнеполитического лидерства Российской империи в мире, ее безусловное доминирование в регионе, обеспеченное военными победами над традиционными соперниками в лице Османской Порты и Персии, давали возможность занять выжидательную позицию и в отношении горских обществ.

Библиографический список

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). – Тифлис, 1866. Т.I. 816 с.
2. АКАК. – Тифлис, 1868. Т.II. 1238 с.
3. АКАК. – Тифлис, 1875. Т.VI. Ч.2. 950 с.
4. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.
5. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
6. Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796 – 1801 гг.) / Под ред. В.Н. Ратушняка. Армавир – Славянск-на-Кубани, 1999. 180 с.
7. Дадаев Ю.У. Государственное образование (Имамат) Шамиля: органы власти и управления. Махачкала: ИД «Эпоха», 2015. 503 с.
8. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Наука, 1996. 311 с.
9. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827) / Под редакцией и с послесловием В.Б. Виноградова. Ессентуки, 1999. 135 с.
10. Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.): исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.
11. Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (Историко-политологические очерки) / Под ред. и с предисловием С.Л. Дударева. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 99 с.
12. Лапин В.В. Цицианов. М.: Молодая гвардия, 2011. 400 с.
13. Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под редакцией и с предисловием В.Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 318 с.